

О.В. Головашина

Национальная идентичность в России: базовая модель

National identity in Russia: the basic model

Аннотация, abstract: Статья посвящена базовой модели национальной идентичности С.С. Уварова. Проанализированы истоки концепции, ее последующее развитие и актуализация триады Уварова в современной российской действительности.

Paper is devoted to the Uvarov's basic model of national identity. Analyzed the origins of the concept, its subsequent development and actualization of the Uvarov's triad in contemporary Russia.

Автор, author: Головашина О.В. – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державин, к.и.н., преподаватель кафедры философии, golovachina-ov@rambler.ru

Golovashina, Oxana V. – Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Ph.D. in History, golovachinaov@rambler.ru

Ключевые слова, keywords: кризис идентичности, национальная самосознание, самодержавие, православие, народность

crisis of identity, national identity, Autocracy,

Orthodoxy, Nationality

УДК: 902

Тема кризиса идентичности в современном гуманитарном дискурсе относится к числу наиболее распространенных. Хаотичность, нелинейность общественных процессов, ускорение ритма жизни, увеличение количества «ролей», которые вынужден исполнять человек, повышает важность определения идентичности отдельных индивидов. Личность стремится отнести себя к какой-либо группе (в этом в общих чертах идентификация и заключается), однако границы сообществ становятся все более размытыми, им все сложнее дать определение. Трансформация социально-политических институтов в нашей стране, ускорение в мире процессов интеграции и глобализации с одной стороны и активизация религиозного фундаментализма, этнического, национального сепаратизма с другой актуализируют проблему национальной идентичности. Ситуацию осложняет то, что «концепция идентичности, по меткому

замечанию современного аналитика, “столь же обязательна, сколь и не отчетлива”¹⁶.

Состояние кризиса идентичности сейчас в той или иной мере характерно для большинства сообществ, вовлеченных в современный мир; оно является частью давно описанного «состояния постмодерна»¹⁷. «Кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер»¹⁸, как указывал С. Хантингтон в своей работе, посвященной проблеме национальной самоидентификации американцев. Переход от эпохи модерна – периода доминирования национальных государств, сообществ с четкой идентичностью – к аморфности глобальной антикультуры постмодерна мешает нациям найти ответ на столь простой ранее вопрос, который Хантингтон и поставил в заглавие своей книги: «Кто мы?». Сколько бы ни писали интеллектуалы со времен П.Я. Чаадаева о самобытности России, сейчас проблема идентификации в нашей стране являются частью мировой. Хотя этот факт, безусловно, не уменьшает важности вопроса и необходимости найти на него ответ. Специфика современного российского кризиса идентичности в том, что «в прошлом у сегодняшнего, постсоветского русского – вовсе не таким образом понятая национальная культурная традиция, а коммунизм, марксизм-ленинизм и пролетарский интернационализм. Прошлое сегодняшнего, постсоветского русского антинационально. Его культурная идентичность – неидентичность. Или, если угодно, она является наследием универсалистской мечты – мечты взорвать все частные идентичности, транс-

16 Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2008. С. 50.

17 Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.-СПб., 1998.

18 Хантингтон С. Кто мы? С. 35.

цендировать их и даже уничтожить»¹⁹. В той или иной мере с подобным кризисом идентичности сталкивается любая доминирующая нация после гибели империи²⁰.

В целом «вопрос о культурной идентичности, в сегодняшнем понимании этого слова, является вопросом о прошлом, о до-современной культурной традиции, которую тащит на себе ее носитель, находясь на пути в современность»²¹, поэтому в поисках решения современных проблем обратимся к опыту мыслителей прошлого.

1830-е гг. в России стали, во многом, переломными в формировании национальной самоидентификации. А.С. Ахиезер, анализируя социокультурную динамику в отечественной истории, называл период общественно-политических дискуссий 1830-1840-х гг. «расколом сознания», проявившемся «прежде всего в расколе духовной элиты»²². Если ранее

19 Гройс Б. В ожидании русской культурной идентичности // Критическая масса. 2003. № 1 // Центр гуманитарных технологий URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2627> (Дата обращения 5.12.2011)

20 Головашина О.В. Историческая память в массовом сознании австрийских немцев // Актуальные проблемы вузовской науки: теоретические и практические аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 1 декабря 2009 г. Тамбов, 2009. С. 31-38; Головашина О.В. Идея аншлюса и проект Дунайской федерации в общественном мнении Первой австрийской республики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. Вып. 10. С. 137 – 142; Головашина О.В. Режим Дольфуса-Шушнига и перспективы развития национальной самоидентификации австрийцев // Ineternum. Общественная прогностика о будущем и настоящем. 2010. Вып. 2. С. 37-45

21 Гройс Б. В ожидании русской культурной идентичности

22 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). В 2 т.: Новосибирск, 1997 // Федеральный образова-

аристократия выступала как «третья» сила, объединяющая власть и народ, то в XIX веке дворянство пытается «ввести в высшую культуру антигосударственные мифы массового сознания»²³. Именно раскол, как считает А.С. Ахиезер, обеспечил непроницаемость смысловых полей крестьянства и правящей элиты, что привело к невозможности формирования единой российской нации. Спор западников и славянофилов надолго определил вектор поиска российской национальной идентичности. «И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное»²⁴, – напишет потом Николай Бердяев. Но процессы, происходящие в современном российском обществе, позволяют предположить, что наиболее актуальными из идей общественно-политической дискуссии 1830-1840-х гг. являются взгляды министра народного просвещения графа Сергея Семеновича Уварова.

Потребность в усилении консерватизма и патриотической концепции была обусловлена как внутренними причинами (восстание декабристов 1925 г., освободительная борьба в Польше), так и внешними (ряд революционных выступлений в Европе). Однако необходимо отметить, что вопреки распространенному представлению, теория «официальной народности» не представляла собой только лишь апологию политики Николая I, иначе она бы не заслужила такую долгую жизнь. Триада «Православие, Самодержавие, Народность» выражает основные архетипы российского самосознания, определяющие развитие национальной идентичности и на-

правляющие исторические процессы на протяжении столетий. «Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия к счастью сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным, и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия»²⁵, – писал граф С.С. Уваров в докладе императору.

Уваров ставит на первое место веру, показывая важность духовного фактора, то есть, приоритет идеального начала в формировании национального самосознания. «Без любви к Вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. ... Довольно одной народной гордости, чтобы почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный Государю и Отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов нашей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха»²⁶, – подчеркивал С.С. Уваров. Стоит вспомнить мнение Э. Хобсбаума, который утверждает, что выбор религии, который является, с точки зрения исследователя, проявлением дихотомии «мы» – «они», определяет самосознание и черты национального менталитета²⁷. Уже православие отделило восточнославянские народы от западной цивилизации, определило дальнейший вектор духов-

тельный портал ЭСМ: экономика, социология, менеджмент. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/19187891/> (Дата обращения 13.10.2011)

23 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России).

24 Бердяев Н. О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 44.

25 Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Вып. 1. М., 1995. С. 70.

26 Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С. Уварова императору Николаю I. С. 71.

27 Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1790 года. М., 1999.

ного развития. «В сущности, – писал в своё время Ф. М. Достоевский о православии, – в народе нашем кроме этой «идеи» и нет никакой, и всё из нее одной исходит...».

Православие стоит в триаде Уварова первым и с точки зрения хронологии. Православная вера с ее догматичностью, моральной ригористичностью привела к слабому развитию критического мышления в характере населения России, что, в свою очередь, наряду с другими факторами, способствовало утверждению авторитарной власти. «Самодержавие представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. Пусть мечтатели обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей, соответствующий их теориям, их предрассудкам; можно их уверить, что они не знают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний. Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к Европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов Государства между собою и препятствует мирному, постепенному развитию его сил»²⁸. Конечно, с некоторыми выводами Уварова можно поспорить, но в качестве ответа на распространение либеральных взглядов, то есть консервативной модели, направленной на формирование благонадежных подданных, категоричные формулировки царского чиновника были вполне к месту.

Сложность категории «народность» признает и сам Уваров, и его интерпретаторы. Автор термина «официальная народность» русский этнограф, литературовед А.Н. Пыпин считал, что «слово „народность“, употреблен-

28 Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С. Уварова императору Николаю I. С. 71.

ное в официальной программе... был эвфемизм обозначавший собственно “крепостное право”»²⁹. В 1920-е гг. русский философ Г.Г. Шпет доказывал, что «народность» у Уварова связана с идеями национального возрождения, характерными для европейского и, особенно, немецкого романтизма³⁰. Интересной представляется точка зрения современного исследователя Н.И. Казакова, который утверждает, что известная триада Уварова явилась трансформацией военного девиза «За Веру, Царя и Отечество!». Под «народностью», пишет Казаков, Уваров подразумевал «национальную культуру и национальный дух русского народа, отличающий его от прочих народов мира»³¹. Современный исследователь А. Зорин подчеркивает, что истоки триады Уварова находятся в западном идеализме и философии Просвещения³².

Сам Уваров, осознавая сложность вводимого им понятия, писал: «Вопрос о Народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о Самодержавии; но тот и другой проистекают из одного источника и совокупляются на каждой странице Истории Русского народа»³³. Подчеркивая и динамичный характер категории «народность», Уваров настаивает на необходимости сохранения «неприкосновенным святилище наших народных

29 Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 1. СПб., 1890. С. 380.

30 Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Ч. 1. Пг., 1922. С. 239-241.

31 Казаков Н.И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989. Литературно-теоретические исследования. М., 1989. С. 7–8, 10–27.

32 Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1996. № 26. С. 86-87.

33 Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С. Уварова императору Николаю I. С. 71.

понятий»³⁴, отмечая, что ключевую роль в этом процессе должно играть образование. Для него «народность» – идеологическая форма, разрешающая противоречия между «нацией» и «народом»; «народом» и «простонародьем»; высшими и низшими сословиями, не включая и не исключая последних из состава нации-народа.

Разумеется, сказать, что именно С.С. Уваров стал автором известной концепции, было бы не совсем верно. Его важная роль заключается в осмыслении и кратком, четком выражении духовно-политических процессов, которые веками шли в России. Мы не можем говорить о Владимире Святославовиче как о самодержавном монархе, о православии – как главной составляющей ментальности населения Киевской Руси в X – XI вв., о едином народе в этот период, но мифологический образ (на то он и мифологический) равноапостольного князя Ясное Солнышко и времени его правления соответствует всем этим категориям. Православие как необходимая доминанта духовной жизни народа, самодержавие как доминанта общественно-политической, народность как верность населения первым двум доминантам стали тем идеалом русского человека, который сохраняет свою актуальность и сейчас. В данных рамках находится и идеологема старца Филофея из Спасо-Елеозарова монастыря «Москва – третий Рим»: первый имперский проект, соединяющий православную миссию, самодержавную власть для воплощения этой миссии и народ, чтобы в нее верить. Уже в этот период складывается своеобразное «вотчинное государство»³⁵: власть относит-

34 Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С. Уварова императору Николаю I. С. 71.

35 Пайпс Р. Россия при старом режиме // Библиотека Гумера. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Peips/_02.php (Дата обраще-

ся к государству как к своей собственности, и народ считает вполне легитимным такой порядок вещей. Карамзин отмечает, что россияне славились тем, чем иноземцы укоряли их: слепую, неограниченную преданностью к монаршей воле в самых ее безрассудных уклонениях от государственных и человеческих законов³⁶. О самодержавии как наилучшей форме управления российским государством писали также М.В. Ломоносов, М.П. Погодин и другие представители консервативной историографии. Сакрализация царской власти проявилась в таком феномене русской культуры как самозванство. В основе популярности самозванцев лежала вера в доброго и истинного царя.

Превозвысив самодержавие над православием, Петр I смог осуществить грандиозный экономический рывок, но вызвал раскол сознания. Несмотря на присутствие элементов язычества, двойственное отношение народа к церкви (достаточно вспомнить множество пословиц, относящихся к священнослужителям), православие становится базой для формирования самосознания. «Народ грешит и пакостится ежедневно, – замечает Достоевский, – но в лучшие минуты, во Христовы минуты он никогда в правде не ошибётся. То именно и важно, во что народ верит как в свою правду, в чем её полагает, как её себе представляет...». Роль православия в формировании национального самосознания и – шире – в русской культуре – пытались осмыслить Достоевский, Соловьёв, Бердяев, Ильин, Булгаков, Федотов, Розанов и другие представители интеллектуальной элиты России. Вл. Соловьёв, например, утверждает, что наша миссия заключается в осуществлении

ния 5.12.2011)

36 Карамзин Н.М. Избранные произведения в двух томах. М.-Л. 1964. Т. 2. С. 375.

органического единства церкви, государства и общества, которые Соловьёв считает земным соответствием святой Троицы. Власть государства он соотносил с царственной властью Сына, Церковь – со священством Отца, а общественную свободу – с действием св. Духа. «Восстановить на земле верный образ божественной Троицы», искажённый в человеческой истории, и есть, по Соловьёву, Русская идея. Близость взглядов Соловьёва и Уварова показывает важность «Православия. Самодержавия, Народности» в национальном менталитете.

Мы не пишем, как все было или есть на самом деле. О том, что далеко не все русичи и, тем более, далеко не сразу приняли христианство; да и после принятия, в то время, когда среди народа вместо внедряемого сейчас «господа» или привычного несколько десятилетий назад «граждане» или «товарищи», было принято обращение «православные», христианство в быту и менталитете часто уступало место архетипам язычества. Новая религия внедрялась сверху, то есть не была обусловлена потребностями населения. «Родовая травма» русской культуры в историческом развитии традиции сказалась в том, что принятие восточной версии христианства произошло в готовом, постдогматическом состоянии «культуры веры» в виде образцов-практик и образцов-идеалов для научения и подражания – в большей степени на уровне эстетического и духовно-нравственного, аскетического прочтения истин Св. Писания и Св. Предания. Античная школа философского мышления и рациональный способ организации социального порядка в форме римского права вследствие языкового и интеллектуально-культурного барьера не вошли в «задание» формирующейся культуры»³⁷

³⁷ Жукова О.А. О мифологических соблазнах

Конечно, «Не Москва Государю указ, Государь Москве»³⁸. В России «власть носит субстанциональный характер, самопричинность и космологичность, приобретая черты априорной воли, не сдерживаемой в подвластном мире никакими сдержками и противовесами»³⁹, поэтому «Светится одно солнце на небе, а Царь Русский на земле»⁴⁰. Однако, как отметил С.Л. Франк: «Идеал «царя-батюшки» как полновластного хозяина русского народа, царя, который, подобно Богу, с недостижимой высоты водворяет на землю правду, желает добра народу и лучше всех знает, в чем это добро, – этот идеал медленно, но неуклонно угасал в народной душе; и на его смену ему шла смутная, но острая тоска по народовластию, самоопределению, об общественной автономии»⁴¹ Кроме самодержавия, сакрализации царской власти, в России всегда имело место сильно развитое локальное сознание. Доминирование «вечевого» идеала в разные периоды истории России является основным мотивом концепции А.С. Ахиезера. Оно, в том числе, мешало и экзистенциальному единству российской нации, «народности». То, что Б. Андерсон назвал «воображаемым сообществом» не было характерно для российской элиты, а народ сам, связанный, скорее локальной, чем государственной идентичностью,

русской истории и культуры // Вопросы философии. 2010. № 4

³⁸ Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1-2. СПб., 1904. С. 224.

³⁹ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004 // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gavr/02.php (Дата обращения 5.12.2011)

⁴⁰ Даль В. Пословицы русского народа. С. 224

⁴¹ Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья М., 1994. Т. II С. 20.

был не в состоянии стать источником конструирования нации. Ситуацию усложняла необразованность большей части населения России, а без централизованной системы образования говорить о формировании национального самосознания невозможно. Этнографы, занимавшиеся в середине 1920-х первой советской переписью, практически не могли найти в ее результатах следы самобытной идентификации русского национального сообщества⁴².

Но триада «Православие, Самодержавие, Народность» – это модель национальной идентичности. Образец, идеал. Не Сущее, а Должное⁴³. «В процессе нашего исторического развития возникает по-своему достаточно логичный смысловой ряд, включающий в себя крестьянскую утопию, Беловодье, Святую Русь, коммунизм и другие образы золотого века. Сам золотой век выступает в качестве одного из ключевых субдискурсов Должного»⁴⁴. Вариантом утопии стала и знаменитая триада Уварова. Не зря особую роль в воплощении своей программы министр народного просвещения отводил образованию. Как отмечал русский философ Шпет: «Ува-

ров хотел подчинить «идеалистов» достижению утилитарно-государственных целей»⁴⁵. Министр писал не о том, что есть, а о том, что должно быть, не о Сущем, а о Должном. Не было никогда в русской истории единения православной духовности, авторитарной власти и всего русского народа, но всегда хотелось это получить. Актуализация модели национального самосознания Уварова наблюдается и в настоящее время.

Роль православия в формировании национальной идентичности сейчас признается всеми исследователями, хотя и оценивается по-разному. В современных отечественных работах, посвященных формированию национального самосознания, основное внимание уделяется именно актуализации православных ценностей. Рост числа храмов, увеличение финансирования церковной деятельности, даже введение «Основ православной веры» в школе и многокилометровые очереди к «поясу Богородицы» – все это свидетельствует о том, что православие до сих пор является краеугольным камнем русской национальной культуры. Конечно, «истинно православных», «воцерковленных» по оценкам социологов 1,5-2 %, но 80 % всего населения России продолжает называть себя православными. Они освещают купленные в супермаркетах куличи на Пасху, покупают иконы для водителей (что не мешает, к примеру, эмоциональным волеизъявлениям по поводу остальных участников дорожного движения), не читают Библию, но готовы поговорить о Боге и Царствии Небесном. Православие остается недостижимым идеалом.

Несмотря на то, что в современной России сейчас официально функционируют демократические институты, идеал самодержавия

42 Бранденбергер Д. Сталинский популизм и невольное создание русской национальной идентичности // Интеллектуальная Россия URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyj-zapas-78-42011/11230-stalinskij-populizm-i-nevolnoe-sozdanie-russkoj-nacionalnoj-identichnosti.html> (Дата обращения 5.12.2011)

43 Яковенко И.Г. Должное и сущее как категории культурно-исторического процесса (на материале России): Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 1999. 23 с; Яковенко И.Г. Небесный Иерусалим или Российская империя: диалектика должного и сущего: Цикл статей // Рубежи. 1997. №5. С.29-41; №6. С.52-65; №7. С.81-94; №8-9. С.27-46.

44 Гавров С.Н. Модернизация во имя империи

45 Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Ч. 1. Пг., 1922. С. 278–279.

по-прежнему занимает много места и в исторической памяти масс, и в современных политических реалиях. В России любая власть стремится к самодержавному характеру; она представляет собой некий самодостаточный институт, неподотчетный и фактически бесконтрольный. Философ Б. Рассел, посетивший нашу страну в 1920 г., (то есть, вскоре после свержения самодержавия) заметил: «... возникла система, неприятно напоминающая прежнее царское правительство, – система, являющаяся азиатской по своей централизованной бюрократии, секретной службе, атмосфере правительственного таинства и покорности террору. Она борется за цивилизованность, за образование, здравоохранение и западные идеи прогресса; она состоит в основном из честных и напряженно работающих людей, презирающих тех, кем они управляют... они живут под страхом народных восстаний и вынуждены применять жестокие репрессии, чтобы сохранить свою власть»⁴⁶. В рамках самодержавия как модели сильной власти в России можно рассмотреть и «укрепление вертикали власти», и актуализацию советского прошлого, и девальвацию либеральной идеологии, и т.д. «В советском обществе только административно-командная номенклатура имела осознанные интересы и обладала всеми чертами социального слоя, включая самоидентификацию. Благодаря этому, в ходе реформ эта номенклатура сохранила контрольные позиции во власти и трансформировалась в крупную квазибуржуазию. Таким образом, в постсоветской России сохранилось в трансформированном виде этакратическое общество, которое приобрело форму номенклатурно-бюрократического квазикапитализма»⁴⁷. И сейчас в информации

46 Рассел Б. Теория и практика большевизма. М., 1991. С. 96-97.

47 Шкаратан О. Российский порядок. Вектор перемен. М., 2004. С. 191.

онном пространстве регулярно появляются разнообразные заметки, доказывающие, что неспособна Россия к демократии, а любому русскому имманентно свойственна тяга к «сильной руке».

Тексты гимнов России разных периодов призывают свято блюсти единство народов России: «братских народов союз вековой», который «сплотила навеки Великая Русь». Но гимны на то и гимны, чтобы призывать, а не констатировать. Однако аморфность, неопределенность категории «народность», которые признавал еще Уваров, позволяют вместо самобытной нации представлять серую массу. Поэтому с актуализацией данной категории в современных условиях сложно. Русские не хотят становиться россиянами⁴⁸. Но попытки конструирования «воображаемого сообщества» сейчас можно наблюдать в пропаганде праздника День народного единства, в речах политических лидеров о взаимоисключающих процессах «формирования мультикультурного общества» и «возрождения русской культуры».

Таким образом, выделяя православную веру и лояльность к действующей власти в качестве основных критериев гражданской позиции, Уваров создал модель государственной российской нации. Пусть и довольно аморфное представление о национальной идентичности в триаде Уварова дало толчок для дискуссий западников и славянофилов о месте России в мире и идентичности жителей империи. Опора на православную веру, авторитет царя и народную культуру будут сохраняться на протяжении всего периода существования Российской империи. Потом православие

48 Головашина О.В. Русские не хотят быть россиянами // Ineternum. Общественная прогностика о будущем и настоящем. 2011. Вып. 4. С. 36-42.

заменяет другой верой, с другим богом в мавзолее и праздничными днями, самодержавие – тоталитаризмом, народность – пролетарским интернационализмом, но направления формирования гражданской нации, заложенные графом Уваровым, остаются.

Сложно называть еще какую-либо политическую формулу, которая сохраняет актуальность на протяжении столь долгого времени. Споры о триаде Уварова продолжаются: одни считают ее «формулой русской культуры»⁴⁹, другие видят в ней символ национального застоя, культурной реакции и прозябания на задворках мировой цивилизации⁵⁰.

Не создав стройной и целостной философской концепции, Уваров, тем не менее, основал базовую парадигму, и дальнейшие процессы национальной идентификации представляют собой ее модификацию.

Литература

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). В 2 т.: Новосибирск, 1997 // Федеральный образовательный портал ЭСМ: экономика, социология, менеджмент. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/19187891/> (Дата обращения 13.10.2011)

Бердяев Н. О России и русской философской культуре. М., 1990.

Бранденбергер Д. Сталинский популизм и невольное создание русской национальной идентичности // Интеллектуальная Россия URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyj-zapas-78-42011/11230-stalinskij-populizm-i-nevolnoe-sozdanie>

⁴⁹ Гулыга А. Формула русской культуры // Наш современник. 1992. № 4.

⁵⁰ Янов А. Л. Россия против России. Новосибирск. 1999. С. 46.

[russkoj-nacionalnoj-identichnosti.html](http://www.russkoj-nacionalnoj-identichnosti.html) (Дата обращения 5.12.2011)

Яковенко И.Г. Должное и сущее как категории культурно-исторического процесса (на материале России): Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 1999. 23 с

Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004 // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gavr/02.php (Дата обращения 5.12.2011)

Головашина О.В. Идея аншлюса и проект Дунайской федерации в общественном мнении Первой австрийской республики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. 2009. Вып. 10. С. 137 – 142.

Головашина О.В. Историческая память в массовом сознании австрийских немцев // Актуальные проблемы вузовской науки: теоретические и практические аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 1 декабря 2009 г. Тамбов, 2009. С. 31-38.

Головашина О.В. Режим Дольфуса-Шушнига и перспективы развития национальной самоидентификации австрийцев // Ineternum. Общественная прогностика о будущем и настоящем. 2010. Вып. 2. С. 37-45

Головашина О.В. Русские не хотят быть россиянами. Перспективы развития национального самосознания в России // Ineternum. Общественная прогностика о будущем и настоящем. 2011. Вып. 4. С. 36-42.

Гройс Б. В ожидании русской культурной идентичности // Критическая масса.

2003. № 1 // Центр гуманитарных технологий URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2627> (Дата обращения 5.12.2011)
- Гулыга А. Формула русской культуры // Наш современник. 1992. № 4.
- Жукова О.А. О мифологических соблазнах русской истории и культуры // Вопросы философии. 2010. № 4
- Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1996. № 26. С. 86-87.
- Кзаков Н.И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989. Литературно-теоретические исследования. М., 1989. С. 7–8, 10–27.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.-СПб., 1998
- Пайпс Р. Россия при старом режиме // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Peips/_02.php (Дата обращения 5.12.2011)
- Рассел Б. Теория и практика большевизма. М., 1991.
- Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Вып. 1. М., 1995.
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. С. 50.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1790 года. М., 1999.
- Шкаратан О. Российский порядок. Вектор перемен. М., 2004
- Яковенко И.Г. Небесный Иерусалим или Российская империя: диалектика должного и сущего: Цикл статей // Рубежи. 1997. №5. С.29-41; №6. С.52-65; №7. С.81-94; №8-9.С.27-46.
- Янов А. Л. Россия против России. Новосибирск. 1999.